

Уна & Сэлинджер

Автор:

[Фредерик Бегбедер](#)

Уна & Сэлинджер

Фредерик Бегбедер

Азбука-бестселлер

Жанр своей новой книги «Уна & Сэлинджер» Ф. Бегбедер с присущим ему стремлением эпатировать определяет как *faction*, то есть *fact* плюс *fiction*. Факты просты: 1940 год, Нью-Йорк. 21-летний начинающий писатель Джерри Сэлинджер познакомился с 15-летней Уной О'Нил, дочерью известного драматурга. Идиллия продлилась недолго, через несколько месяцев японцы напали на Пёрл-Харбор, Сэлинджер отправился воевать в Европу, а Уна решила попытать счастья в Голливуде. Попробовавшись на роль в фильме Чарли Чаплина, она получила главную роль в его и своей жизни. Сэлинджер честно воевал, потом пробивался сквозь журнальные публикации в большую литературу и наконец создал свою главную вещь – «Над пропастью во ржи». Но Бегбедера интересуют не столько факты, сколько та волшебная встреча героев, которая обернулась разлукой на всю жизнь и все же стала тем, что эту жизнь определяет.

Фредерик Бегбедер

Уна & Сэлинджер

С такой же гордостью, с какой моя кошка Кокошка приносит мне на подушку растерзанного, окровавленного, но еще живого воробья, я кладу эту книгу вместе с моим заскоружлым сердцем к ногам [1 - Крошечным и изящным. (Примеч. авт.)] мадам Лары Мишели

Are you going to Scarborough fair?

(War bellows blazing in scarlet battalions)

Parsley, sage, rosemary and thyme

(Generals order their soldiers to kill)

Remember me to one who lives there

(And to fight for a cause they've long ago forgotten)

She once was a true love of mine.[2 - Вы поедете на ярмарку в Скарборо(Война ревет, мундиров блещет пурпур),Петрушка, шалфей, розмарин и тимьян?(Солдаты получили приказ убивать)Тогда напомните обо мне той, что там живет(И сражаться во имя того, что давно уже забыто), —Той, которую я когда-то преданно любил (англ.).]

Неизвестный йоркширский бард, XVI век

(заключенные в скобки антимилитаристские строчки добавлены Полом Саймоном в 1966 году)

Copyright © Editions Grasset & Fasquelle, 2014

© Н. Хотинская, перевод, 2015

© Издание на русском языке, ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Это не вымысел

Когда Диане Вриланд[3 - Диана Вриланд (1903–1989) – влиятельная франко-американская обозревательница и редактор в области моды. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. перев.)] задавали вопрос, сколько в ее самых необычайных воспоминаниях фактов, а сколько вымысла, она отвечала: «It's faction».[4 - Игра слов: в английском слове присутствуют одновременно fact – факт – и fiction – вымысел.]

Эта книга – чистый faction. Все в ней точно соответствует действительности: персонажи реальны, места существуют (или существовали), факты подлинны, а даты можно проверить по биографиям и учебникам истории. Все остальное вымышлено, и я прошу детей, внуков и правнуков моих героев великодушно простить меня за кощунственное вторжение.

В Соединенных Штатах для подобных романов Труменом Капоте был придуман ярлык: «non-fiction novel». В интервью Джорджу Плимптону в «Нью-Йорк таймс» 16 января 1966 года он определил свой замысел как «повествование, в котором автор использует все приемы художественной литературы, при этом по возможности придерживаясь фактов». На французский это следовало бы перевести как «невымышленный роман». Ужас!

Я предпочитаю «faction», ведь это слово существует и в нашем языке.[5 - По-французски «faction» означает пребывание часового на посту, а также мятежную группировку.] Оно содержит намек – забавный в наше мирное время – на то, что автор этого повествования мог бы быть кем-то вроде солдата в дозоре или вождя опасного мятежа.

Персонажи этой книги прожили жизни, полные тайн, – что дает простор авторской фантазии. Однако я торжественно заявляю: будь эта история неправдой, я был бы глубоко разочарован.

ФБ

* * *

Весной тысяча девятьсот восьмидесятого года завсегдаи парка Пали в Нью-Йорке стали свидетелями довольно необычной сцены. У ограды припарковался

длинный черный лимузин; было около трех часов пополудни. Шофер распахнул дверцу перед пассажиркой лет шестидесяти, в белом костюме и темных очках. Она медленно вышла из машины, постояла немного, нервно теребя жемчуга на шее, словно молилась, перебирая четки, и направилась в левый угол парка. Неспешно приблизившись к скрытому зарослями водопаду, дама достала из сумочки несколько осколков фарфора. Затем она повела себя более чем странно: опустилась на колени и принялась лихорадочно рыть землю наманикюренными ногтями. Прохожий, поедая хот-дог, мимоходом удивился, зачем эта бродяжка роется в клумбе, а не ищет чем поживиться в мусорном контейнере, расположенном в противоположном конце сквера. В тот момент он не обратил особого внимания, но ему показалось, что она закопала в ямку осколки фарфора и руками утрамбовала сверху холмик, стоя под кустами на четвереньках, как ребенок в песочнице. Обедающие под открытым небом от изумления перестали жевать, когда дама, явно не из простых, поднялась, отряхнула перепачканные землей руки и с достоинством села в свой «кадиллак». Несмотря на темные очки, на лице ее можно было прочесть удовлетворение от хорошо сделанной работы. Она выглядела чудачкой, каких можно встретить порой на улицах Нью-Йорка, особенно с тех пор, как стали общедоступны барбитураты. Шофер захлопнул дверцу, обошел машину, сел за руль, и длинный лимузин бесшумно заскользил к Пятой авеню.

Джерри, введение

Мне хочется рассказать историю. Смогу ли я когда-нибудь рассказать что-нибудь иное, кроме моей собственной истории?

Пьер Дрие Ла Рошель. Гражданское состояние, 1921

В начале 2010-х годов я заметил, что не вижу больше моих ровесников. Я был окружен людьми на двадцать-тридцать лет меня моложе. Моя девушка родилась в год, когда я в первый раз женился. Куда же делось мое поколение? Сверстники исчезали постепенно: большинство было слишком занято работой и детьми; настал день, когда они просто перестали выходить из своих офисов или домов. У меня так часто менялся адрес и телефон, что старые друзья не могли больше со мной связаться; некоторые из них, случалось, умирали; я невольно думал, что эти две трагедии, не иначе, связаны между собой (без меня жизнь

останавливается). Отсутствие ровесников в моем окружении имело, возможно, и другую причину: я избегал своего отражения. Сорокалетние женщины пугали меня невротами, идентичными моим: тут и ревность к молодости, и очерствение сердца, и неразрешимые физические комплексы, и страх, что их больше никто не захочет, если вообще еще хотят. Мужчины же моих лет мусолили воспоминания о былых загулах, пили, ели, толстели и лысели, непрерывно жалуясь кто на жену, кто на одиночество. «Земную жизнь пройдя до половины», люди говорили только о деньгах – особенно писатели.

Я стал самым настоящим геронтофобом. Я изобрел новый вид апартеида: мне было хорошо только с теми, кому я годился в отцы. Общество юнцов обязывало к усилиям по части гардероба, заставляло пересмотреть свою речь и культурный багаж: оно пробуждало меня, воодушевляло, возвращало мне улыбку. Здороваясь, я должен был скользнуть ладонью по ладоням моих юных собеседников, потом, сжав кулак, стукнуть им об их кулаки, после чего ударить себя в левую сторону груди. Простое рукопожатие выдало бы разницу поколений. Приходилось также избегать шуток моего времени: боже упаси, например, сказать, что я умею грести, как Жерар д'Абовиль[6 - Французский гребец Жерар д'Абовиль в 1991 г. в одиночку пересек на веслах Тихий океан за 134 дня.] («Это еще кто?»). Встречая одноклассников, я их не узнавал и, вежливо улыбаясь, поспешно обращался в бегство: мои ровесники решительно были слишком стары для меня. Я как мог избегал обедов с супружескими парами. Светские обязанности страшили меня, особенно сборища сорокалетних в квартирах серо-бурого цвета с ароматизированными свечами. Своим знакомым я не мог простить именно этого: они меня знали. Знали, кто я, а мне это не нравилось. В сорок пять лет я хотел вновь обрести чистоту. Посещал только новенькие бары для отвязной детворы, блестящие чистым пластиком ночные клубы с туалетами без всяких воспоминаний, модные рестораны, о существовании которых мои бывшие дружки узнавали только через пару-тройку лет, листая «Мадам Фигаро». Мне случалось иногда подцепить девушку, которая вскоре с умилением сообщала мне, что мы с ее матерью отплясывали на одних вечеринках. Единственная уступка старости: я не писал в «Твиттере». Не видел интереса посылать фразы незнакомым людям, когда можно собрать их в книгах.

Признаю, что, отказываясь общаться с ровесниками, я отказывался стареть. Я забыл, что молодиться и быть молодым – не одно и то же. В каждой морщинке на лице ближнего своего видишь собственную смерть в действии. Я искренне полагал, что, якшаясь только с юнцами, знающими скорее о Роберте Паттинсоне, чем о Роберте Редфорде, проживу дольше. Какой-то расизм по отношению к самому себе. Можно играть в Дориана Грея, не пряча на чердаке пагубного

портрета: достаточно отрастить бороду, чтобы не видеть больше своего истинного лица в зеркале; бывать время от времени диск-жокеем со своими старыми сорокапятками; носить достаточно широкие футболки, чтобы не было видно растущего животика; не надевать очки для чтения (как будто, если читать книгу, держа ее на вытянутых руках, помолодеешь); снова взять в руки теннисную ракетку и надеть спортивный костюм American Apparel цвета антрацит с белой каймой, позировать для фото в витринах магазинов Kooples, танцевать с серфингистками-малолетками в Blue Cargo на пляже Ильбарриц и каждый день маяться похмельем.

К началу 2010-х годов я знал назубок биографию Рианны; судите сами, сколь серьезные опасения внушало мое положение.

Тремя годами раньше в ресторанчике в Ганновере, штат Нью-Гэмпшир, мне попала на глаза вот эта фотография очаровательной покойницы.

Эту молодую женщину зовут Уна О'Нил: отметьте ее прическу под Джин Тирни[7 - Джин Тирни (1920–1991) – американская актриса. Считалась одной из самых красивых голливудских актрис.] (косой пробор, открытый лоб), ослепительной белизны зубки и напряженную яремную жилку на шее, выражающую ее веру в жизнь. Сам факт, что такая девушка жила на свете, обнадеживает. Эта темнокудрая малышка дышит полной грудью, кажется, верит, что нет ничего невозможного. А между тем ее детство... Девочке было два года, когда отец бросил ее мать и поселился в Европе с новой женой; тогда Уна писала ему душераздирающие открытки: «Папочка, я так тебя люблю, не забывай меня!» Он увиделся с ней только через восемь лет.

В 1940 году Уна О'Нил была влюблена в моего любимого писателя.

Я нашел ее фотографию, когда Дж. Д. Сэлинджеру оставалось жить еще три года. Мы с Жан-Мари Перье поехали к нему в Корниш, штат Нью-Гэмпшир, чтобы снимать документальный фильм. Идея была столь же абсурдна, сколь и банальна: пробиться к писателю, слывущему величайшим в мире мизантропом,

стало чем-то вроде туристического маршрута, освоенного тысячами фанатов. В 1953 году автор романа «Над пропастью во ржи» поселился на ферме среди лесов Новой Англии. Он ничего не публиковал с 1965-го – года моего рождения. Не давал никаких интервью, не допускал к себе фотографов и отказался от всяких контактов с внешним миром. А я как раз и воплощал внешний мир, собираясь вторгнуться в его личное пространство с камерой высокого разрешения. Зачем? Я и сам тогда не знал, но моя тяга к этому старику была как-то связана с нарастающим отвращением к ровесникам. Сэлинджер, как и я, любил девушек намного его моложе. Во всех своих романах и новеллах он давал слово детям и подросткам. Они символизировали утраченную невинность, никем не понятую чистоту; взрослые же были все сплошь безобразными, тупыми, скучными, авторитарными, погрязшими в материальном комфорте. Лучшие из его новелл – те, в которых он использует детскую речь, чтобы выразить свое отвращение к материализму. «The Catcher in the Rye» с 1951 года разошелся по всему миру тиражом 120 миллионов экземпляров: короткий роман о мальчишке, исключенном из пансиона, который бродит по Центральному парку и спрашивает, куда деваются утки зимой, когда пруд замерзает. Посыл, быть может, ребяческий, наверняка ложный, а то и опасный, но Сэлинджер создал ту самую идеологию, добровольной жертвой которой я стал. Он – писатель, давший самое точное определение современному миру – миру, разделенному на два лагеря. С одной стороны, серьезные люди, отличники в галстучках, старые буржуа, которые ходят на работу, женятся на пустоголовых домохозяйках, играют в гольф, читают эссе об экономике и принимают капиталистическую систему такой, какая она есть: «Типы, которые только и знают, что хвастать, сколько миль они могут сделать на своей дурацкой машине, истратив всего галлон горючего».[8 - Здесь и далее цит. по переводу Р. Райт-Ковалевой.] А с другой – незрелые подростки, грустные дети, навсегда застрявшие в первом классе лица, бунтари, танцующие ночи напролет, и чудики, блуждающие в лесах, те, что задают вопросы про уток в Центральном парке, беседуют с бродяжками или монашками, влюбляются в шестнадцатилетних девочек и никогда не работают, свободные, бедные, одинокие, грязные и несчастные. Короче – вечные смутьяны, которые думали, что протестуют против потребительского общества, а на самом деле заставили западные страны обрести долги за последние шестьдесят лет и способствовали продаже товаров широкого потребления, начиная с 1940-х годов, на миллиарды долларов (диски, романы, фильмы, телесериалы, одежда, женские журналы, видеоклипы, жевательная резинка, сигареты, открытые машины, алкогольные и безалкогольные напитки, наркотики, все, что рекламировалось дерзкими маргиналами как мейнстрим). Мне было необходимо встретиться лицом к лицу с основоположником инфантильного фантазма, заставляющего мечтать наш

продвинутый мир. С легкой руки писателя Сэлинджера люди больше не хотят стареть.

Мы взяли напрокат крытый грузовичок и отправились в путь по зеленым холмам. В Корниш прибыли ясным весенним утром, в четверг, 31 мая 2007 года, в 11:30. Небо было синее, но солнце ледяное. Холодные солнца бесполезны, какой обман – говорить о весне при такой температуре, в нескольких кабельтовых от Квебека. Адрес Сэлинджера легко найти в Интернете; после изобретения спутникового навигатора никто уже не может спрятаться на нашей планете. Сейчас я дам вам этот адрес, который был на протяжении шестидесяти лет самым засекреченным в мире. В Корнише есть старый крытый мост через реку Коннектикут. Переезжая его от соседней деревни Виндзор, вы почувствуете себя Клинтон Иствудом в «Мостах округа Мэдисон». Затем свернете налево, на Уилсон-роуд, и проедете несколько сот метров до маленького кладбища – серые могильные плиты, низкая ограда, выкрашенная белой краской, – оно останется справа. Далее направо, на Платт-роуд, что идет на подъем вдоль заросшего кустами и мхом кладбища. Если вы проделаете этот путь ночью, то теперь вам покажется, будто вы попали в клип «Триллер» Майкла Джексона. В поисках Сэлинджера требуется мужество; многие желторотые репортеры, приблизившись к здешним густым лесам, повернули назад. Бернанос где-то пишет о «жидкой тишине»: до 31 мая 2007-го я не понимал, что это значит. Нам всем в грузовичке было не по себе – и режиссеру Жан-Мари Перье, и продюсеру Гийому Рапно, да и мне тоже. А ведь Жан-Мари всякое видал: в семьдесят втором он, например, сопровождал в американском турне «Роллинг стоунз», а это далеко не буколическая прогулка. А теперь он скорбно смотрел на меня, словно говоря: «Это была твоя бредовая идея, старичок, так что кончай киснуть».

Дорога сужалась, петляя в высокой траве среди высоких сосен, старых берез, кленов и вековых дубов. Свет едва проникал сквозь черную листву; в этом замогильном лесу под переплетенными ветвями даже среди бела дня было темно, как в полночь. Войти в лес – это магический обряд: по лесам бродят в сказках, в литературе немецкого романтизма и во всех фильмах Уолта Диснея. Солнце мерцало сквозь кроны деревьев: день, ночь, день, ночь; свет возникал и исчезал, как будто солнце отбивало нам послание морзянкой: «Разворачивайтесь. Стоп. Бегите отсюда, пока не поздно. Назад. Мэйдэй, мэйдэй».[9 - Mayday – международный сигнал бедствия в радиотелефонной связи.] Романтические леса могут стать враждебной территорией, как в фильмах про ведьму из Блэр или в Хюртгенвальде, зеленом аду зимой 1944/45 года. Я уже знал, что струшу. Никогда я не осмелился бы потревожить человека, привившего

мне вкус к чтению, этого американского писателя, который был воплощением нежности и бунта. Мама хорошо меня воспитала, и я не в меру застенчив. После километра под густой листвой лес расступился справа. Вдруг снова стало светло, как будто Господь Бог включил гигантский прожектор. Это была вроде бы прогалина, но когда прогалина идет под уклон, ее называют лугом, или поляной, или лощиной – откуда мне знать, я ведь вырос в городе. К дому Сэлинджера ведет Лэнг-роуд, первый поворот направо. Она идет вверх, справа по борту красный амбар. Я даже могу дать вам его телефон: 603-675-5244 (опубликовал один биограф). И вот тут-то я не смог выйти из машины, меня била дрожь, короче, сдрейфил я самым позорным образом. Я представил себе старого Сэлинджера (тогда восьмидесятивосьмилетнего): он размышляет, сидя под навесом у поленницы в кресле-качалке, а рядом кошки точат когти о старые подушки... Коттедж стоит на вершине холма, вид оттуда, должно быть, изумительный, с террасы можно охватить взглядом реку и луга в белых крапинках домов. В небе носились темные птицы, солнце заливало ледяным светом деревья на синей вершине горы Аскутни. Воздух благоухал на лужайке, заросшей донником – я специально узнавал название этих золотистых цветов, которыми изобилуют здешние места. Кусты можжевельника росли на зеленеющем склоне, точно таком же, как в Саре.[10 - Живописная деревня в Стране Басков.] Как я любил в восемь лет, пачкая навозом свои штанишки NewMan, скатываться с него среди овец. Это было необычайно спокойное место... как панорама Нового Света. Ни один человек не имел права нарушить такую безмятежность.

– Ну же, Фред, – сказал мне Гийом Рапно, – не для того мы так далеко забрались, чтобы уйти несолоно хлебавши!

– Я... нет... Я не думал, что... – Я внезапно заговорил в точности как Патрик Модриано.[11 - Нобелевский лауреат 2014 г. известен своей почти болезненной застенчивостью. Надо отметить, что его младшему брату по перу Фредерику Бегбедеру это несвойственно.] – Все-таки... мы же не папарацци...

– А кто же мы еще, идиот, ты работаешь в «Буаси»![12 - «Буаси» – популярный французский журнал о жизни звезд.] Ты что, не соображаешь, если он нам откроет, это же сенсация мирового масштаба, даже если захлопнет дверь перед носом, все равно картинка будет worldwide![13 - Всемирно известный (англ.).]

– Но... Сэлинджеру за восемьдесят, он глух как пень, к тому же он ветеран Второй мировой, так что наверняка вооружен.

– А-а. Вот об этом ты мог бы сказать нам раньше.

Деревянный щит перед владениями Сэлинджера предупреждал: «NO TRESPASSING».[14 - Соответствует русскому «Посторонним вход воспрещен».] Накануне мы брали интервью у писателя Стюарта О’Нэна в его саду в нескольких километрах отсюда. Он напомнил мне девиз штата Нью-Гэмпшир: «LIVE FREE OR DIE».[15 - «Живи свободным или умри» (англ.)] Огнестрельное оружие по-прежнему свободно продается в этом штате, несмотря на регулярные кровопролития в школах.

– Я так и знал, что ты сдрейфишь, – сказал Жан-Мари Перье. – Ты просто мифоман.

– Нет, я... я... вежливый.

Вся команда в машине расхохоталась, и я тоже – из вежливости. Но я не соврал. Учтивость вкупе с робостью сильно осложняет мне жизнь. Я всегда думал, что, будь все хорошо воспитаны, обществу не понадобились бы законы. И я плохо себе представлял, как позвонил бы в дверь затворника, точно нарядившийся ведьмой сорванец, требующий конфет в вечер Хеллоуина.

Отшельничество – достойная традиция, прочно укоренившаяся в этой части Соединенных Штатов со времен «Белой дамы» – поэтессы Эмили Дикинсон, прожившей всю жизнь, с 1830 по 1886-й, затворницей в Амхерсте, всего в часе езды к югу от дома Сэлинджера, в штате Массачусетс. Та, чьи стихи увидели свет только после ее смерти, написала: «Отсутствие есть сгусток Присутствия». Эта фраза говорит о Боге – но еще и о рекламе. Ведь отказ от общества – не обязательно осознанный выбор: это может быть душевным изъяном, социальной неприспособленностью, а может и расчетом, способом сделать свое присутствие еще заметнее, заставить людей думать о вас – или спасти свою душу, существовать, ощущать трепет жизни. Для Дикинсон эта неспособность покинуть свою комнату была, наверно, недугом и мукой. Некоторые ее биографы намекают на неразделенную любовь... Она будто бы была влюблена в некоего священника, женатого, отца семейства... Несчастливая любовь... В «Утехах и днях» Пруст пишет то же самое, что Эмили Дикинсон: «Разве тот, кто любит, не ощущает, что отсутствие любимого человека есть самое достоверное, самое реальное, самое незыблемое, самое надежное его присутствие?»[16 - Перевод Е. Тарховской и Г. Орловской.]

Вот тут-то и появляется Уна О'Нил. Чтобы получить прощение за то, что отступил в нескольких метрах от цели, я пригласил свою команду пообедать в любимом ресторане Сэлинджера «Лу» в Ганновере, рядом с Дартмутским колледжем. Официантка не пожелала сказать нам, когда писатель приходил в последний раз (я где-то вычитал, что он завтракал там по воскресеньям). Вся округа берегла покой писателя-мифа. По радио передавали *Smoke Gets in Your Eyes*[17 - Дым застилает глаза (англ.)] в исполнении «Платтерс». Я рассматривал висевшую на стене черно-белую фотографию, снятую в каком-то ночном клубе 1940-х: девушки в вечерних платьях и жемчугах позировали рядом с мужчинами постарше в костюмах-тройках и шляпах. На рамке была надпись: «Сторк-клуб, 1940». К 2007 году эти пятидесятилетние джентльмены наверняка давно уже умерли, а красивые девушки, улыбавшиеся на снимке, либо тоже похоронены, либо одной ногой в могиле, пускают слюни в инвалидной коляске и ничего не помнят о том веселом вечере. А рядом, на стене, – она, Уна.

Когда мы вышли из ресторана, меня снова затрясло. А между тем в воздухе пахло весной: желтые цветы, склонившиеся над рекой Коннектикут, называются золотыми жезлами. Только старики интересуются названиями цветов: им хочется знать, что вырастет вскоре над ними. В этих местах есть целые поля ромашек, такие белые – ни дать ни взять лыжная трасса. Любимый писатель Сэлинджера Фрэнсис Скотт Фицджеральд приезжал в Дартмут в феврале 1939-го с Баддом Шульбергом[18 - Бадд Шульберг (1914–2009) – американский сценарист, актер, режиссер и продюсер.] поработать над сценарием под названием *Winter Carnival*[19 - Зимний карнавал (англ.)] для «Юнайтед артистс» (кинокомпании, основанной Чаплином). Он допился до того, что пришлось госпитализировать его в Нью-Йорке, прежде чем вернуть в Голливуд, где он скончался год спустя, угощаясь плиткой шоколада у Шейлы Грэм в доме 1443 на Норт-Хейворт-авеню. Бадд сам рассказал мне о своих «сеансах работы» со Скоттом. Я познакомился с ним в Довиле, когда ему присудили литературную премию фестиваля. Плюс-минус пара лет – и Сэлинджер вполне мог бы лакомиться пышками с мисс О'Нил, Скоттом Фицджеральдом и Шульбергом здесь, возле Дартмутского колледжа, в 1939-м (Уне было четырнадцать лет, Сэлинджеру двадцать, Скотту сорок три, а Бадду двадцать пять). Чем я старше, тем теснее становится мой век.

Хотелось бы мне знать, виделся ли Сэлинджер с Уной после войны. Все моя сентиментальность. Я думаю, что это Уна вдохновила роман, который навсегда запретит нам стареть. Ответа я никогда не узнаю: Джерри Сэлинджер умер 27 января 2010-го, через три года после моего несостоявшегося визита в Корниш. А

письма Дж. Д. Сэлинджера Уне О'Нил по сей день спрятаны в Швейцарии, в Корсье-сюр-Ве́ве, где закончится эта книга.

I

Манхэттенский романс

I knew he'd be a writer. I could smell it.[20 - Я знала, что он станет писателем. Я это чуяла (англ.).]

Уна О'Нил о Дж. Д. Сэлинджере

В Нью-Йорке в 1940 году курили все и везде – в барах и ресторанах, в такси, в поездах и особенно в «Сторк-клубе». У выходящих из этого заведения неизменно щипало глаза и волосы пахли табачным дымом. Люди гробили свое здоровье похлеще, чем сегодня, никто ведь не упрекал их в истощении кассы социального страхования, в ту пору еще не существовавшего. Время близилось к одиннадцати вечера; в этот час уже трудно было различить лица людей, сидевших за столиками в длинном зале бара. Весь «Сторк» был не клубом, но одним непроницаемым облаком. Под сеткой, наполненной воздушными шариками, оркестр в смокингах наяривал песенки Кэба Кэллоуэя.[21 - Кэбелл «Кэб» Кэллоуэй Третий (1907–1994) – американский джазовый певец и шоумен.] Или это был сам Кэб Кэллоуэй? На стене был нарисован аист в цилиндре и с сигаретой в клюве. Ресторан воскресным вечером был так переполнен, что клиентам приходилось надсаживать глотку, чтобы заказать напитки официантам в коротких курточках и при галстуках-бабочках. Но это никого не смущало: американцы всегда разговаривают громко, особенно когда им наливают бурбон на толченый лед.

Уроженец Нового Орлеана, молоденький блондинчик с высоким, пронзительным голосом, непрестанно улыбался, сопровождая трио наследниц: Глорию Вандербилт, Уну О'Нил и Кэрол Маркус, – то были первые «it-girls»[22 - Соответствует русскому «светская львица».] в истории западного мира, скрытые за дымовой завесой. Днем он рассылал тексты в газеты, которые их пока не печатали. А ночью, протерев свои круглые очки платочком из черного шелка, вновь водружал их на нос, а шелковый квадратик возвращал в левый наружный

карман белого пиджака, аккуратно расправив четыре треугольничка, направленные вершинами в потолок, точно стрелы, целящиеся в воздушные шарики над головой. Он полагал, что, для того, чтобы сойти за умного, надо быть хорошо одетым, и в его случае это было верно. Ему исполнилось шестнадцать лет, звали его Трумен Капоте, а сцена происходила по адресу: Восточная Третья, угол Пятьдесят третьей улицы.

- Крошки мои, вы мои лебеди.

- Почему это ты называешь нас лебедями? - спросила Глория, выпустив клуб дыма ему в лицо.

- Ну так, во-первых, вы такие беленькие, - отвечал Капоте, едва сдерживая кашель, - потом, вы так изящно двигаетесь, у вас длинные грациозные шейки...

- И острые оранжевые клювы, а?

- Да, у тебя, Глория, очень острый клювик, ты доказываешь нам это каждый вечер. Но он скорее красный, если по нему размазано, как и по твоим передним зубкам, содержимое тюбика губной помады.

- Но где же наши крылья? - спросила Уна.

Глаза Трумена Капоте (голубые) были устремлены только на официанта, молодого антильца с неправильным прикусом, смахивавшего на Янника Ноа[23 - Янник Ноа (р. 1960) - известный французский теннисист и поп-соул-певец.] задолго до рождения Янника Ноа.

- Будьте любезны, молодой человек, принесите нам, пожалуйста, четыре мартини с водкой - так я буду уверен, что скоро увижу вас снова.

Трумен улыбнулся самой красивой из трех своих спутниц.

- Пока вы спали, Уна, darling, я подрезал вам крылья, - ответил он ей, - чтобы не дать вам улететь далеко от меня. Вы у меня в плену на ближайшее десятилетие. Не волнуйтесь, годы пройдут быстро.

– Трумен, – вмешалась Глория, – если мы лебеди, кто тогда ты... поросенок?

Расхохотались все. Глория отпустила эту шпильку, как бы закрыв тему раз и навсегда. Трумен порозовел; и в самом деле, любителю колбас было бы трудно устоять перед его прелестью. Но его светлые глаза искрились лукавством, и все, что он говорил, было легко и весело, что как-никак отличало его от блюда свинокоченостей. В этом же баре, на другом конце зала, молодой человек ростом метр девяносто молча смотрел на шестой столик, – впрочем, он вообще всегда молчал. Да и все взгляды в «Сторке» были устремлены к шестому столику, расположенному в углу, в конце зала, имевшего форму буквы «Г». В тысяча девятьсот сороковом Джерому Дэвиду Сэлинджеру был двадцать один год. Он еще жил у родителей, в доме 1133 по Парк-авеню, на углу 91-й улицы. Высокого, красивого и хорошо одетого, его иной раз впускали одного в «Сторк», самый закрытый клуб в Нью-Йорке. Его отец был евреем, разбогатевшим на торговле кошерными сырами и копченым мясом. Пока ничто не предвещало Джерри судьбы изобретателя вечной юности в кредит.

Пока это долговязый, застенчивый юноша, закуривающий сигарету с непринужденностью Хамфри Богарта, – этот безукоризненный жест потребовал долгих недель тренировки перед зеркалом в ванной. Трумен Капоте – большой сноб, чем он, однако мягче и забавнее, хоть и грешит самолюбованием. Внешне он – полная противоположность Сэлинджеру: так же мал ростом, как тот высок, глаза голубые – а у того черные и пронзительные, блондин – а тот жгучий брюнет (типичное дитя Алабамы рядом с дылдой, копирующим нью-йоркских интеллектуалов). Они, давясь, курят одну сигарету за другой, чтобы выглядеть мужчинами, и знают, что им повезло пить спиртное в клубе для самых избранных. Только в эти моменты они ведут себя как взрослые. Капоте уже записывает все, что видит, и повторяет все, что слышит. Он прекрасно знает, что его бы близко не подпустили к этому клубу, если бы не три лебедя. Они – его сезам: перед ними всюду расстилают красную ковровую дорожку, они позируют для фото в «Харперс Базар» и «Вог». Это еще почти девчонки и уже почти феминистки: кутя, куря и танцуя в легких шелках, под перестук своих жемчугов, они, сами того не зная, продолжают медленный процесс эмансипации, начатый в 1920-х годах и далеко еще не законченный. А Трумен лишь следует в кильватере и развлекает своих фарфоровых суффражисточек. Тридцать пять лет спустя он зло опишет все это (в «Услышанных молитвах»), подруги от него отвернутся, и он умрет от горя, насквозь пропитанный алкоголем, наркотиками и транквилизаторами. Но пока у Трумена озабоченная мордашка ребенка, обделенного вниманием родителей и слишком рано понявшего, что надо накапливать воспоминания, чтобы было чем занять свое одиночество. Для

художника праздник никогда не бывает бесплатным. Писатели, выходя вечером в свет, никогда не отдаются веселью целиком: они работают, а вы как думали? Вам кажется, что они несут чушь, а они между тем трудятся, ищут фразу, которая оправдала бы их завтрашнее похмелье. Если улов хорош, несколько фраз переживут повторное чтение и будут вставлены в текст. Если же вечер не удался, копилка будет пуста – ни метафоры, ни шутки, ни даже каламбура или сплетни. Увы, когда нечего ловить, писатели не признают своего поражения: неудача дает им повод еще чаще бывать в свете и еще больше пить – ни дать ни взять старатели, с упорством, достойным лучшего применения, разрабатывающие иссякшую жилу.

Дж. Д. Сэлинджер подошел к их столику. Он всегда чуть-чуть сутулился, чтобы не слишком возвышаться над другими: он был не только выше, но и старше всех. Нога Капоте подрагивала под столом, точно хвост возбужденной собаки. Он и заговорил первым:

– Мисс, не скажете ли вы, что это за большая птица в черных перьях? Цапля, фламинго?

– Hello, there.[24 - Соответствует русскому «привет всем».] Я Сэлинджер. Джерри Сэлинджер, рад познакомиться. Лично у меня любимая птица... – он задумался, пожалуй, слишком надолго, – Американская Девушка в Шортах.

Тоже мне, подвиг – снискать улыбку самых благосклонных девушек Нью-Йорка. Трумен понял намек и молча смотрел, как эта жердь, клюнув носом, целует ручки трио: если он и был птицей, то, скорее всего, аистом, а стало быть, ему самое место было в клубе («stork» значит «аист», got it?[25 - Усек? (англ.)]). Уна была самой робкой из всех. И самой кроткой, хоть на ней и было черное платье с обнаженными плечами. Ее молчание и вспыхивающие румянцем щеки не вязались с непроницаемо-черными глазами: она походила на портреты простушек кисти Жана Батиста Греза, выставленные в Собрании Уоллеса в Лондоне. Она, казалось, не знала, что красива, хотя все повторяли ей это с рождения – все, кроме отца. Неловкость, неуверенность в себе, запинаясь речь только красили каждое ее движение – когда она прижимала к себе стакан, помешивала льдинки пальцем, а потом сосала его, словно порезалась до крови. Всем своим видом Уна словно постоянно извинялась за то, что она здесь, как будто не знала, что клубу необходимо ее присутствие, чтобы остаться модным. Прилагательное «clumsy»[26 - Неловкий, неуклюжий (англ.)] было как будто специально придумано для ее опасной угловатости. Так и хотелось приласкать

этого брошенного котенка. Глория была более совершенной, Кэрол более белокурой – она копировала яркий, как рана, рот Джин Харлоу[27 - Джин Харлоу (1911-1937) – американская актриса, кинозвезда и секс-символ 30-х гг.] и ее нарисованные брови. Таков был секрет их дружбы: они составляли не просто трио, но палитру; тут нашлось бы на любой вкус, и ни одна не была конкуренткой другим. Любите женщин изысканных, роковых, женщин-вамп – вот вам Глория, знатная миллиардерша. Питаете слабость к чувственным или истеричным, боитесь соскучиться, любите сцены – выбирайте Кэрол. А если вас не привлекают ни деньги, ни причуды... если ищете создание не от мира сего, нуждающееся в защите, ангела, которого надо спасти... вот тогда вы рискуете попасться в западню Уны.

Уна внушала уважение своей безмятежностью. Она была наименее яркой из компании, но отнюдь не наименее притягательной. Когда она улыбалась, две ямочки появлялись на ее щеках, и тогда казалось, что жизнь, в сущности, может быть почти сносной, лишь бы всегда блестели глаза. С тех пор как ей исполнилось пятнадцать, мать Уной практически не занималась, и та жила у Кэрол, на Парк-авеню, 420. С тех пор как ей исполнилось пятнадцать, швейцар в синей униформе впускал Уну О'Нил в «Сторк», когда ей было угодно, потому что патрон с ума сходил по ее фамилии. Шерман Биллингсли присматривал за ней, называл ее «my most beautiful baby», [28 - «Мое самое красивое дитя» (англ).] усаживал за лучший столик в Cub Room (VIP-зона) и угощал выпивкой. Снобизма в нем было как в биде из «Уолдорф Астории», да и наживался он на этом изрядно: компания красивых девушек, даже несовершеннолетних – особенно несовершеннолетних, – создает атмосферу, тем более если они носят знаменитые фамилии, что привлекает фотографов и богачей.

– Подвиньтесь, девочки, – скомандовал Трумен, – дайте наконец место Джерри. Джерри, знакомься: это мои лебеди.

– Я бы не сказал, что эта девушка похожа на лебедя, – возразил Джерри. – Скорее на раненую голубку. Как вас зовут, милый птенчик-выпавший-из-гнезда?

– О... Вы будете смеяться... – заколебалась Уна.

– Все-таки скажите.

– Уна. Это по-гэльски.

- Очень красиво – Уна. И это значит...

- ...Единственная, насколько я знаю.

- Ну да, как я сам не догадался, это ясно даже на слух. Уна = «One».

Капоте язвительно рассмеялся.

- Уна – это фея из кельтских легенд, – пояснил он. – Королева фей.

- Хм... И вы владеете колдовскими чарами? – спросил Джерри.

Тут как раз молодой официант принес выпивку. Я забыл сказать, что в этот день Франция была оккупирована Германией. В Париже, с учетом разницы во времени, немецкие войска маршировали по Елисейским Полям.

- Ну да, вот видите, – ответил Трумен, – по мановению Уны на столе появляется водка!

- И еще исчезают пепельницы... – добавила Уна.

- Эта клептоманка коллекционирует ворованные пепельницы, – хихикнула Глория.

- Куда только смотрит полиция? – подхватила Кэрл.

И тут Уна улыбнулась во второй раз за вечер. Когда Уна улыбалась, опустив веки, шум стихал. Казалось, будто кто-то приглушил звук остального мира. Во всяком случае, именно это ощутил Джерри: ротик Уны, контраст между красными губками и белыми зубками, высокие скулы, покрашенные бордовым лаком ногти в тон губной помаде цвета спелой вишни, – от совершенства девушки из высшего общества он абсолютно оглох. Брюнетка... что бы это значило? Почему при виде девушки, которую он не знал еще пять минут назад, у него зануло в животе? Кто бы запретил ей эту мину нашкодившего ребенка! Ему тоже захотелось позвать полицию. Государству следовало бы не позволять женщинам так мастерски использовать свои веки. Джерри пробормотал себе под нос:

– Закон против Уны...

– Простите? Что вы сказали?

– Он брюзжит!

– Ха-ха-ха! Еще одна жертва Уны! – воскликнул Трумен. – Вы можете основать клуб на пару с Орсоном!

Трумен повернул голову к столику на другом конце буквы «Г», откуда Орсон Уэллс косился на них через плечо молодой женщины, похожей на Долорес дель Рио.[29 - Долорес дель Рио (1905–1983) – мексиканская актриса немого кино.] На самом деле это была французская актриса Лили Дамита, которая на самом деле была женой Эррола Флинна.[30 - Эррол Лесли Томсон Флинн (1909–1959) – знаменитый голливудский актер.] тогда занятого на съемках. (Абы кто не мог сидеть за столиком на другом конце буквы «Г».) Орсон Уэллс то и дело исподтишка поглядывал на девушек, особенно на Уну, и тотчас отводил глаза, если чувствовал, что любовница может застигнуть его с поличным. В двадцать пять лет знаменитый радиоведущий применял методу равнодушного красавца. С робкими девушками эта метода не срабатывает, тут, наоборот, нужен напор. Не обращайтесь внимания на гордячку – и она вас заметит. Но, игнорируя скромницу, вы тем самым оказываете ей услугу и никогда с ней не познакомитесь. Особенно если вы знаменитость, стало быть, страху нагоняете вдвое больше. Орсон Уэллс повернулся к Лили Дамита, которая, сидя напротив него, ела креп-сюзетт. Джерри Сэлинджер действовал иначе: он говорил очень тихо и монотонно, надеясь, что остальные за столиком его не услышат. Он обращался к Уне так, будто они одни на целом свете, и в каком-то смысле в тот вечер так оно и было.

– Уна О’Нил, вообще-то, ваше имя – аллитерация. Мне кажется, – продолжал Джерри, – ваш отец выбрал это имя, потому что оно созвучно его фамилии. Выбор нарцисса.

– Не знаю, он со мной не разговаривает после того, как я сказала в интервью одному журналу, что я «безбашенная ирландка». Он считает, что я плохо кончу. Пока, правда, у него самого дела плохи с тех пор, как он бросил пить. В последний раз, когда я его видела, у него дрожали руки.

Но у их соседей по столику были ушки на макушке.

- Уна хорошо кончит, потому что плохо начала, - сказала Глория. - Как и мы!

- Я вообще не знала своего отца, а ее отец умер, когда ей было полтора года, - добавила Кэрол, показывая пальцем на Глорию.

- А меня, - вмешался Трумен, - мать бросила, когда мне было два года.

- А у меня, - отозвалась Уна, - когда мне было два года, свалил отец.

- Выпьем за Клуб Золотых Сироток! - заключила Глория, поднимая стакан.

Три девушки чокнулись с Труменом и Джерри, который почти устыдился того, что его родители все еще женаты. Их стаканы, столкнувшись, звякнули в точности как треугольник в третьей части Концерта для фортепиано с оркестром фа мажор Джорджа Гершвина.

- Имейте уважение, - сказал Трумен, - вам известно, что вы говорите с будущей Glamour Girl «Сторка»?

- О нет, сжальтесь, - взмолилась Уна, - не начинайте снова!..

- Поднимем бокалы за новую Зельду!

Уна снова зарделась, на этот раз от гнева. Ее выводила из себя эта краска, бросавшаяся в лицо всякий раз, когда они вновь пережевывали эту дурацкую историю. Завсегдатаи «Сторк-клуба» каждый год выбирали «Glamour Girl», и она попала в список финалисток. Она ни о чем не просила, но это тоже стало причиной того, что отец с ней больше не разговаривал. Надо ли почитать за честь быть избранной «Мисс Модный клуб»? Нет. Надо ли отказаться от этого титула, как будто он не имеет никакого значения? Тоже нет. Вот с какими дилеммами сталкивалась нью-йоркская золотая молодежь в 1940 году, когда красно-белый флаг со свастикой реял над Эйфелевой башней.

- Зельда Фицджеральд - не оскорбление, - сказала Уна, - но все же самое интересное в ней - книги ее мужа.

– Я поднимаю бокал за Фрэнсиса «Скотч» Фицджеральда! – воскликнул Трумен.

– А вы пишете, Джерри? – спросила Кэрол. – У вас физиономия писателя. Я их узнаю за десять миль. От этих гадких эгоцентриков, вдобавок чудовищно умных, надо бежать как от чумы.

– Вы находите, что у него очень умный вид? – хмыкнула Глория. – Он все больше молчит, не так ли?

А Джерри думал, что никогда не слышал подобного имени. Уна... Оно звучало как стон наслаждения. Ууу... и освобожденный крик: аааа! А между двумя гласными согласная, напоминающая о луне: (л)ууна...[31 - В оригинале созвучие: Оона – Уна, moon – луна (англ.)] Это имя завораживало так же, как та, что его носила. Джерри говорил себе, что вольно мужчинам расшибать себе лбы, пока есть на свете такие женщины, как она, чтобы подбирать их.

– Я... я никогда не видел пьес вашего отца, – сказал он Уне. – Но я знаю, что он наш лучший драматург.

– Не лучший, – поправил Трумен, – единственный! Первый, кто показал бедняков. Уж не знаю, стоило ли – все эти тоскующие моряки, проститутки с большим сердцем, маргиналы-самоубийцы... Тощица!

– После присуждения Нобелевской премии он – национальное достояние, – возразил Джерри.

Он об этом знать не знал, но хотел угодить дочери, встав на защиту отца. К тому же ему не нравилась беспочвенная агрессивность светского общества. Он находил, что куда лучше быть забавным, ни о ком не злословя; поэтому забавным он бывал нечасто.

– Зато плохой отец, – заключила Уна, выдохнув табачный дым в потолок, словно лежала на кушетке психоаналитика.

– Эти ирландцы все алкоголики, – фыркнул Трумен. – Попробуйте найти хоть одного непьющего ирландца!

– Чтобы писать, пить полезно, – заметила Кэрл. – Но для воспитания детей противопоказано.

– Я не знаком с его творчеством. Видите ли, мисс О’Нил, – продолжал Джерри смущенно, – моя беда в том, что мне не по себе в театре: всегда хочется кашлянуть, когда нельзя, и потом, мне всякий раз кажется, что мое кресло скрипит громче всех в зале... Не знаю почему, но мне никогда не удается забыть, что я сижу перед людьми, которым платят за декламацию диалогов, и мне передается их мандраж. Так глупо... я боюсь за актеров, что они забудут текст.

– А они еще и брызжут слюной, – добавил Трумен. – В театре лучше избегать первых рядов или надо запастись хорошим зонтом.

– Прошу прощения, – сказал Джерри. – Я думаю, что... вам, должно быть, осточертели разговоры о вашем отце.

– Нелегко носить его имя, – согласилась Уна. – Я считаю себя скорее сиротой, чем «чьей-то дочкой». Странно быть сиротой при живом и знаменитом отце. Все говорят со мной о нем, как будто мы близки, а ведь за последние десять лет я видела его всего три раза.

Уна умолкла, смутившись, что поделилась столь личным с незнакомым человеком. Почувствовав замешательство подруги, Глория пришла ей на выручку. «Хай-де-хай-де-хай-де-хо!» – громко запела она. Оркестр наяривал Minni the Moocher,[32 - «Попрошайка Минни» (англ.) – песня Кэба Кэллоуэя.] слишком, пожалуй, усердствуя на высоких нотах. От вибраций контрабаса дрожали обшитые красным деревом стены. В этой песне поется о проститутке и ее сутенере-кокаинисте. Отличный сюжет пьесы для мистера О’Нила-отца. Всегда забавно видеть, как буржуа подхватывают хором грубые слова. На семейных обедах в присутствии малолетних детей я порой улыбаюсь, когда все напевают Walk on the Wild Side[33 - «Пройдемся-ка на ту сторону» (англ.) – песня американского рок-музыканта Лу Рида (1942–2013).] и ту-ту-ду-ту-ду-ту-ду-ду Лу Рида (это история трансвестита на панели).

– Послушайте, – сказала Глория Вандербильт, – я не против унаследовать семейное состояние. Но я бы прекрасно обошлась без всего остального: фото, сплетен, жиголо, мошенников... What a mess![34 - Какая гадость! (англ.)] Трумен, любовь моя, закажи нам всем еще мартини с водкой, ради бога.

Семья Глории построила половину Нью-Йорка и отравила ее детство. Сделав знак метрдотелю, Трумен поспешил переменить тему. От неприятных разговоров Капоте шарахался как от огня. Вопрос выживания. Это делало его самым пленительным юношей в Нью-Йорке.

– Все эти девочки без отцов... – сказал он Джерри. – Должен же кто-то ими заниматься... Они бежали с Парк-авеню, чтобы учиться драматическому искусству. Девушки из Верхнего Ист-Сайда все рвутся в театр, потому что хотят быть любимыми, а те, кому полагается их любить, уехали на уик-энд в Хэмптонс.[35 - Хэмптонс – курорт на берегу Атлантического океана, недалеко от Нью-Йорка.]

– Мой отец в Париже, а мать в Лос-Анджелесе, – вставила Уна.

– Посмотрите-ка вон туда, на Орсона, – вмешалась Кэрл. – Боже мой, какой он мерзкий! Он никогда не играл О’Нила? А надо бы! Так и вижу, как он дубасит свою жену пустой бутылкой.

– А по мне, он почти красивый, – возразила Глория. – И я была в восторге, когда он убедил всех по радио, что на Бродвей напали марсиане.

– Не вижу в этом ничего сенсационного, – пожал плечами Трумен. – Марсиане нападают на Бродвей каждый вечер.

С восьми часов *post meridiem*[36 - После полудня (лат.).] Глория Вандербильт бросала «хелло» всем проходившим мимо красивым мужчинам. Если они отвечали на ее улыбку, она вставала из-за столика и направлялась к бару, откуда возвращалась с визитными карточками, передавала их от кресла к креслу и наконец забывала в белой пепельнице. То была большая честь, когда богатая наследница сидела на красном диванчике с компанией шумных друзей. Кэрл встала и пошла танцевать с Труменом. Оба были такими светловолосыми... Чтобы отыскать их в толпе танцующих, достаточно было следить за двумя язычками пламени, вспыхивавшими посреди танцпола, точно два блуждающих огонька на болоте.

Чтобы соблазнить девушку, которую вожделеют многие, надо убедить ее в том, что у вас есть время... хотя у вас его нет. Не бросайтесь на нее, уподобляясь всем остальным, но проявите интерес. Это игра тонкая и противоречивая. У вас

есть всего две минуты, чтобы передать эти два сообщения: мне плевать, но мне не плевать. А вообще-то, если девушка остается с вами больше двух минут, значит она выбрала вас, так что лучше молчите.

Уна украдкой покосилась на Джерри, который грыз ногти; она поняла, что он задает себе тот же вопрос: «Что я здесь делаю?» Они смотрели друг на друга, ни слова не говоря. Зеркало над баром использовалось двояко: чтобы шпионить за другими и проверять, в порядке ли прическа. Время от времени один из них открывал рот, чтобы начать фразу, но так ничего и не произносил. Другой тоже в свою очередь пытался, но ничего не выходило, разве что колечки дыма от «Честерфильда». Им бы хотелось сказать друг другу что-нибудь небанальное. Они понимали, что должны быть достойны друг друга. Что беседу еще надо заслужить. Порой они обменивались междометиями, но львиную долю времени в свою первую встречу (добрых полчаса как-никак) провели, потягивая маленькими глоточками мартини с водкой и внимательно вглядываясь в дно своих стаканов, словно искали там сокровище, или оливку, или немного храбрости.

- ...

- Хм...

- Я...

- ...

- Гм...

- Жарко...

- Да...

- ...

- Эта песня...

- Smoke Gets in Your Eyes?

- Может быть...

- Мм...

- ...

- ...

- Красивое название...

- О да...

- Здесь дым всегда застилает глаза...

- Лучше всего ее исполняет Фред Астер... он танцует, будто скользит...

- Как по льду в лаковых туфлях...

- Мм... А знаете, что вы на него немного похожи?

- А?

- ...

- Вы так говорите из-за моего длинного лица.

- (Смущенная улыбка.)

- (Растерянный вздох.)

- Передайте мне пепельницу, пожалуйста...

- Держите...

- Это правда, мое лицо имеет форму земляного ореха.

- Да нет же, он очень красив, Фред Астер.

- Простите, что спрашиваю, но... Сколько вам лет?

- Пятнадцать, а что?

- ...

- ...

- ...ничего...

- А вам?..

- Двадцать один...

- ...

- ...

- Знаете...

- Что?

- Я молчу, но... мне не скучно.

- Мне тоже.

- Мне нравится молчать с вами.

- ...

- ...

Здесь я прекращаю фиксировать диалог двух рыб, а то читатель подумает, что я тяну резину ради лишних строк (это правда) и что он недостаточно получил за свои кровные (а вот это неправда). Как бы то ни было, я привожу в точности первый не-диалог между Уной О'Нил и Джеромом Дэвидом Сэлинджером. Сидя рядом лицом к залу, эти двое пребывали в таком ступоре, что не решались даже взглянуть друг на друга. Они смотрели на мельтешение официантов и слушали, как надрывается оркестр под висящими над ним воздушными шариками. Уна тербила салфетку, Джерри принюхивался к своему стакану, как будто что-то смыслил в мартини, другой рукой вцепившись в подлокотник своего кресла, точно страдающий аэрофобией перед взлетом. Иногда он поднимал бровь или обе. Все знают, что такое «small talk», [37 - «Пустой светский разговор» (англ.)] а Уна и Джерри в этот вечер изобрели «silent talk». [38 - «Безмолвный разговор» (англ.)] Многословное молчание, лакуна, полная недосказанного. Все вокруг них поднимали шум по пустякам, они же проявляли немое любопытство. Это не могло не раздражать – такая внезапная глубина среди нью-йоркского легкомыслия. Эти двое, чувствовавшие себя одинаково неудобно, должно быть, испытывали облегчение оттого, что могли наконец помолчать в унисон. Компания вернулась за столик, устав от флирта и танцев. Трумен смотрел на Джерри с умилением и отпускал замечания вроде:

– Говорят, Орсон снимает фильм о семействе Херст. [39 - «Гражданин Кейн» (1941).] Ни одна газета про него не напишет!

– Кончайте пожирать ее глазами, darling. Это уже неприлично, попытайтесь хотя бы рот закрыть.

– Вы видели «Великого диктатора»? Чаплин уморителен, но странно было слышать его голос. Мне казалось, он должен быть ниже.

– Такая прелесть, когда он подражает немецкому, – вставила Кэрол. – «Und Destretz Hedefl?ten sagt den Fl?ten und destrutz Zett und sagt der Gefuhten!» [40 - Бессмысленный набор слов, похожих на немецкие.]

– А что это значит?

– Это не настоящий немецкий. Ты же у нас владеешь всеми языками, когда выпьешь.

– Если на то пошло, настоящий Гитлер тоже произносит свои речи на кухонном немецком. Поэтому никто не поверил тому, что он говорил.

Белокурая Кэрл слишком громко смеялась собственным шуткам, чтобы их услышали. Ей не нравилось, когда Уна пользовалась успехом. Она не хотела ее ни с кем делить, хотела держать при себе, как младшую сестренку, которой у нее никогда не было. Она заметно злилась, потому что нервным движением доставала пудреницу и прикладывала к лицу пуховку. А вот Глория радовалась, что она не единственная «чья-то дочка» за столиком. Таков крест дочерей знаменитостей: вместо того чтобы беспечно пользоваться их именами (в конце концов, родителей не выбирают), они чувствуют себя обезображенными своей фамилией, как изящная сумочка – крупным золоченым логотипом. Но три подруги знали, как себя подать: мужчин привлекала в первую очередь их наружность. Слава и богатство родителей были лишь вишенкой (отравленной) на торте их хрупких тел. Они продолжали перебрасываться шутками, а Джерри нахмурился. Не стоило быть ясновидящим, чтобы угадать его мысли: «Да что же такое в ней есть, в этой девушке, чего нет у других? Чем так восхитило меня ее детское личико? Почему я МГНОВЕННО запал на ее брови и ее грусть? Отчего я чувствую себя таким идиотом и мне так хорошо рядом с ней? Чего я жду, почему не возьму ее за руку и не уведу подальше отсюда?»

– Лично я у Чаплина предпочитаю Полетту Годдар, – сказала Глория. – До чего шикарная женщина!

– Он всегда был знатоком женщин и выбирал себе молоденьких, – пробормотал Трумен своими отсутствующими губами.

– А меня «Великий диктатор» не насмешил. Толпам в Европе при виде Гитлера не до смеха, – обронил Джерри Сэлинджер и тут же пожалел о своей неспособности быть легкомысленным. – Интересно, сам Гитлер его видел?

В следующую секунду он вскочил из-за стола и направился было к выходу, но, остановившись, с раздражением обернулся к Уне, точно актер Royal Shakespeare Company, готовящийся эффектно покинуть сцену.

– It was nice not-talking with you, Miss O'Neil.[41 - Было приятно не-поговорить с вами, мисс О'Нил (англ.).]

- Эй! Ночь еще молода! - воскликнул Трумен.

- Мне НУЖЕН блинчик креп-сюзетт СЕЙЧАС ЖЕ, не то я умру! - потребовала Глория.

- Nice not-to-meet you too, Jerry,[42 - Я тоже рада была не-познакомиться с вами, Джерри (англ.)] - тихо сказала Уна... (Чтобы скрыть бросившуюся в лицо краску, повернулась к подругам, а долговязый юноша шел к гардеробу, пытаюсь отгрызть заусеницу на большом пальце левой руки.) - Странный он, этот дылда... Который час?

- Спать еще слишком рано, - ответил Капоте.

- Надо подождать, когда выпустят шарики, - подхватила Кэрол.

- There's a great day coming ma?ana,[43 - Завтра настанет великий день (англ., исп.) - первая строчка популярной джазовой песни.] - грянул оркестр.

По воскресеньям в «Сторк-клубе» была «Ночь воздушных шариков»: в полночь, с последним ударом часов, девушки едва ли не дрались, чтобы проткнуть как можно больше шариков, падавших на их головы. Внутри некоторых скрывались бонусы на сюрпризы - украшения, безделушки, платье или шейный платок... Выигравшие визжали тогда еще громче, на грани оргазма, проигравшие не отставали, вопя от злости и зависти, после чего все топили эмоции в потоках виски. Надо бы возобновить эту моду на «шарики с сюрпризом», а то в наши дни не хватает шумных вечеринок. Сотня шариков, лопаюсь, трещала как очередь из пистолета-пулемета МР-38, на время перекрывая звуки румбы. Самой разнузданной из трио была Кэрол. Стоя на столе, она готова была расцарапать, а то и укусить любого, кто преградил бы ей путь к Главному Шарику, который она вспарывала своими острыми как бритва ногтями.[44 - Кэрол в дальнейшем снискала репутацию изрядной зануды. Только ее последний муж, актер Уолтер Маттау, способен был с ней сладить. Знаменитый анекдот: когда она непрерывно жаловалась на холод во время поездки студенкой порой в Польшу в 1960-х гг., где они посетили, в частности, знаменитый концентрационный лагерь, Уолтер Маттау в конце концов сказал ей: «You ruined my trip to Auschwitz!» («Ты испортила мне поездку в Освенцим!» - англ.) Самой же большой гулякой из компании была Глория Вандербильт. Осиротев в полтора года, она четыре раза выходила замуж, публиковала эротические стихи и романы и

выпустила первые «designer jeans». Позже она стала изобретательницей понятия «cougar» (на американском жаргоне – женщина средних лет, любящая молодых мужчин. – Примеч. перев.): одного из своих юных любовников она прозвала «Нижинским куннингуса». (Примечание посмеивающегося автора.)]

Дж. Д. Сэлинджер пешком вернулся к родителям – неподалеку от дома, где сорок четыре лета спустя я жил у своего дяди Джорджа Харбена, на Риверсайд-драйв. Грустная улыбка Уны запечатлелась в его памяти и на каждом доме Парк-авеню. Он вглядывался в ее удлиненное лицо в витринах. Фред Астер, мать его. У него замерзла голова, потому что шляпу он забыл в «Сторке», но ему было стыдно возвращаться за ней на глазах у всей компании. В следующие недели он заново переживал каждую секунду того вечера. Почему она пробыла с ним так долго? Почему он оказался способен говорить с ней лишь междометиями? Что ему надо было сказать, чтобы стать незабываемым? Уже у самого дома, роясь в карманах пиджака в поисках ключей, он нащупал что-то тяжелое. Кто-то сунул ему в карман белую пепельницу из «Сторк-клуба». Хоть это и был неодушевленный предмет, курящий аист в цилиндре вызвал у него улыбку.

II

Дочь нобелиата

Жизнь – это страх. Долгая агония от рождения до смерти! Жизнь – это смерть!

Юджин О’Нил. Лазарь смеется, 1927

Во Франции Юджин О'Нил слегка подзабыт. За что такое пренебрежение этому хмурому и усатому драматургу, пересадившему скандинавский реализм на почву Соединенных Штатов? Оригиналы предпочтительней копий: Ибсен (норвежец) и Стриндберг (швед) первыми создали этот театр семейных сцен и метафизического выноса мозга. В «Кукольном доме» и «Фрекен Жюли» двери хлопают, как у Фейдо, но зрители смеются определенно меньше. Прочитав их со всем вниманием, Юджин О'Нил с 1917 года вывел на сцену душетравительные драмы, добавив ради пущего натурализма алкоголь, наркотики и проституцию. Декорации он выбирал особенно тщательно: действие происходит на китобойном судне, застрявшем во льдах Великого Севера, в грязном матросском баре, в туберкулезном санатории, посреди минного поля... Весь этот истерический фольклор, сеансы группового психоанализа, озлобленные монологи кажутся нам сегодня допотопными и напыщенными. А между тем без Юджина О'Нила не было бы Теннесси Уильямса. А значит, не было бы и Марлона Брандо. А значит, и Джонни Деппа, Шона Пенна, Райана Гослинга. Как видите, юные читательницы, прошлое тоже для чего-то может пригодиться.

Жизнь Юджина О'Нила – сплошная трагедия. Само собой разумеется, его искусство на него похоже. Если перечислить все его несчастья, невольно простишь ему угрюмый нрав. Родился он в Нью-Йорке в 1888 году, сразу после смерти старшего брата двух лет от роду (Эдмунда) от недолеченной кори. Его мать, Элла О'Нил, так и не оправилась от этой утраты, а после рождения Юджина стала морфинисткой: в ту пору врачи легко прописывали тяжелые наркотики, чтобы облегчить молодым матерям родовые муки. Его отец, ирландец, был актером, пил, чтобы забыть смерть старшего сына, и постоянно гастролировал, играя всегда одну и ту же роль (Эдмона Дантеса в «Графе Монте-Кристо»). В пьесе «Долгий день уходит в ночь» (1942) Юджин О'Нил описывает свою мать под кайфом, бродящую по дому со свадебным платьем в руках и оплакивающую минувшие счастливые дни. Ребенком он нередко бывал свидетелем такой сцены. В пагубном пристрастии матери Юджин винил себя: все детство отец твердил ему, что мать начала принимать наркотики сразу после его рождения. Юджин О'Нил пытался покончить с собой в 1912 году, в двадцать четыре года; его брату Джейми попытка удалась в ноябре 1923-го. Юджин стал пить виски наравне с отцом. А потом, в 1917 году, как-то вечером в Нью-Йорке, в задней комнате бара под названием «Hell Hole» («Адова дыра») на углу Шестой авеню и Четвертой улицы, он встретил вот эту особу:

Агнес Боултон, как и он, хотела стать писательницей. Пока же пописывала статейки в журналы и изредка пристраивала новеллку в стиле «pulp fiction».[45 - «Бульварное чтение» (англ.)] Юджина охватила нервная дрожь. Он сидел в углу бара и пожирал ее печальными глазами обреченного больного. Общая подруга их познакомила: «Это Джин О'Нил, драматург». Он продолжал смотреть на нее, не сказав ни словечка за весь вечер, и лихорадочно пил, описывая носком ботинка концентрические круги в опилках, которыми был посыпан пол. Когда Агнес собралась уходить, Юджин вызвался проводить ее пешком до отеля «Бревурт» в Гринвич-Виллидж. Заинтригованная его молчанием, она согласилась. Они молча шли в ночной темноте. У дверей «Бревурта» Агнес, вероятно, сказала что-то вроде: «Ну ладно, доброй ночи». Она на всю жизнь запомнила фразу, которую произнес в ответ Юджин О'Нил. Глядя ей прямо в глаза, он сказал: «Отныне я хочу каждую ночь моей жизни проводить с вами. Говорю это от чистого сердца. Каждую ночь моей жизни».

Агнес поверила ему. В том же году они поженились. Запомните хорошенько эту фразу: она срывает с романтически настроенными девицами, литераторами и теми, кто не дружит с головой. Ни к чему терять время и тянуть с признанием в любви. Этим двинутым надо сразу выложить свое желание, не то станешь бесполом приятелем и ловить будет нечего.

Юджин О'Нил не знал, но – быть может, из-за его детства – у него была идиосинкразия к отцовству. Узнав, что Агнес беременна, он запил и не просыхал все девять месяцев. Их дочь Уна родилась 14 мая 1925 года на Бермудах. Она унаследовала прямой носик матери и черные глаза отца. Юджин нашел ее очень красивой, но вскоре счел, что ее плач не дает ему спокойно писать. Для Джина О'Нила дети были препятствием творчеству. Творением, мешавшим творить. Беременная Агнес становилась ему соперницей, ибо он тоже должен был разрешиться своим произведением. «К чему вынашивать детей? Зачем порождать смерть?» – пишет он в «Великом Боге Брауне». А этот монолог в «Первом человеке»: «К черту детей!.. Ненависть! Да, ненависть! К чему отрицать? Я должен сказать кому-нибудь... Это его я ненавижу, ребенка! <...> зачем тебе привносить в нашу жизнь это новое создание?» Конечно, это говорят театральные персонажи, отнюдь не выражающие личного мнения автора. Само собой разумеется.

Двое других детей Юджина О'Нила, сыновья (Юджин-младший, алкоголик, как его отец, и Шейн, наркоман, как его бабушка), в дальнейшем покончили жизнь

самоубийством. Покуда Агнес была занята исключительно им, Юджин был счастлив. После рождения детей он думал лишь об одном – бежать. Юджин, которому в детстве не хватало любви всегда отсутствующего отца и пребывающей в нетях матери, воспроизвел в точности ту же схему со своим потомством. Мы не знаем, лечит ли от невротозов психоанализ, но доказано как дважды два, что драматическое искусство от них не помогает.

Добро пожаловать в семью Уны. Обещание, данное у отеля «Бревурт», Юджин О'Нил держал недолго. Он перестал видаться с детьми, после того как бросил Агнес ради некой актрисы, когда Уне было два года. В 1928 году он перебрался в Париж и там вторично женился. Он, правда, продолжал писать Уне, чтобы избавиться от чувства вины перед брошенной дочерью. Письма и фотографии, которые Юджин посылал ей из Англии, из Франции, из Китая, заклиная свою детку помнить его, можно считать современной и эпистолярной версией танталовых мук. За все свое детство и отрочество Уна О'Нил видела отца урывками лишь три раза. Она так любила его, что плакала всякий раз, узнавая на фото в газетах.

Самая знаменитая пьеса Юджина О'Нила, «Долгий день уходит в ночь», столь автобиографична, что он потребовал, чтобы она была опубликована только через двадцать пять лет после его смерти. Его вдова Карлотта, подсевшая на транквилизаторы, не стала ждать так долго: пьеса была поставлена через два года после кончины Юджина, в 1956-м. В ней он выставил напоказ свой семейный кошмар: отец, стареющий актер и алкоголик, мать-наркоманка, сын, неудавшийся актер, другой сын, моряк-туберкулезник. Дочь свою он там ни разу не упоминает. «Один, наедине с собой в ином мире... Как будто я иду по дну морскому. Как будто я давно уже утонул. Призрак, слившийся с туманом...» Как видим, Юджину от природы не дано было быть счастливым. В другой его пьесе, «Веревка», отец вешает петлю на балку в своем амбаре, чтобы сын на ней повесился.

Все люди откуда-то взялись: Уна О'Нил не знала иной фигуры мужчины, кроме отца, сумрачного, одержимого прошлым, с его молчанием, тайнами и призраками. Человека, чьим любимым занятием было беречь свои раны. «Life is a lie», [46 - «Жизнь есть ложь» (англ.)] – говорил он. «Жизнь – одиночная камера с зеркальными стенами». Образ яркий, но последствия его ужасны: Юджин О'Нил был заживо замурован в своем творчестве. В какой-то момент он мог быть добрым и ласковым, а в следующую минуту становился злым, язвительным, жестоким. Он подпитывался собственным отчаянием. Радость

ухода открыл вовсе не Дж. Д. Сэлинджер, а, возможно, как раз Юджин О'Нил вслед за Эмили Дикинсон. Он одним из первых авторов в мире описал распад семьи, ставший западной нормой в следующем веке. Он увидел приближающийся конец этой структуры, которую христианское общество считало незыблемой. Страхи, алкоголь, одиночество, душевные раны – крупные козыри для писателя, но при этом серьезнейшие помехи для того, чтобы быть отцом семейства. Наверно, депрессивным писателям следовало бы запретить плодиться.

Будучи последователем скандинавов, Юджин О'Нил вполне логично удостоился шведской награды. В 1936 году Нобелевская премия по литературе была вручена прославленному современному драматургу, который уже трижды получал в своей стране Пулицеровскую премию: за пьесы «За горизонтом», «Анна Кристи» и «Странная интерлюдия» (в дальнейшем он получит еще одну, за «Долгий день уходит в ночь», посмертно).

В один из своих редких визитов в Нью-Йорк Юджин О'Нил пригласил Уну пообедать с ним и его новой женой. После обеда он покатал детей в большом «кадиллаке» по Центральному парку. Уне было шесть лет. Ее вырвало в новеньком автомобиле прямо на отца и мачеху. На протяжении всех тридцатых годов она пыталась связаться со своим гениальным отцом, о котором столько слышала от всех, а от него самого не дождалась и словечка. Ее многочисленные письма с просьбами о визитах, встречах, новостях эффекта не возымели: мачеха отвечала, что сейчас не время, что отцу надо сосредоточиться на работе, что у них в доме гости или же, когда они поселились близ Сан-Франциско, что «перемена климата не полезна для здоровья» и что «живут они в сельской местности, где ребенку будет скучно». Однажды Юджин О'Нил написал сам: «Мы слишком давно не виделись». Уне было тогда четырнадцать: действительно, с отцом она не встречалась восемь лет. Получив приглашение на обед в Тао-хаус, новое имение отца, Уна потеряла сознание за столом. В самом деле, он почти не видел дочь после развода. И когда Уна встретила кого-то, столь же знаменитого, как ее отец, кто говорил с ней и был не против, чтобы она его слушала, она тотчас решила пожертвовать для него всем. Рецепт счастья очень прост: всего лишь вывернуть наизнанку несчастье.

Но до этого мы еще не дошли. Пока что Уне вот-вот исполнится шестнадцать, она проводит лето 1941 года с братом и матерью на побережье в Нью-Джерси, в местечке под названием Пойнт-Плезант, к югу от Нью-Йорка. Ее дед со стороны матери купил здесь старый трехэтажный дом на углу Хербертсвилль-роуд и Холл-

авеню, среди сосен, у притока реки Манаскан. Здесь поселилась после развода ее мать. Уна росла в роскоши и меланхолии. Ее мать часто плакала, слушая Лину Хорн.[47 - Лина Мэри Кэлхун Хорн (1917–2010) – американская джазовая вокалистка, киноактриса.] Она утирала глаза, отвернувшись, чтобы Уна не видела, как она утирает глаза, отвернувшись. Здесь-то Сэлинджер и увидится с нею снова.

III

Душа несчастливой истории

Актрисы больше чем женщины, а актеры меньше чем мужчины.

Трумен Капоте

Если луна круглая и желтая, как ломтик лимона, значит вся жизнь – коктейль. Атлантические волны, мерно дыша, неустанно накатывались и разбивались о песок. Их влажный шелест заглушал звук шагов Джерри и Уны по дощатому настилу в направлении «Мартеллс Тики-бара». Молчание не так неловко на берегу моря.

Позвольте мне привести здесь фрагмент не изданной на нашем языке новеллы, опубликованной в журнале «Эсквайр» в 1941 году под названием «Душа несчастливой истории». Мне кажется, Дж. Д. Сэлинджер написал в ней то, что подумал об Уне О’Нил, когда впервые увидел ее. В этом тексте он впервые нашел ту интонацию, которую использует в романе «Над пропастью во ржи» десять лет спустя.

Ширли читала косметическую рекламу на стенке автобуса, а когда Ширли читала, у нее слабела нижняя челюсть. Вот в это мгновение, когда у Ширли открылся ротик и разомкнулись губки, она стала самой роковой из роковых женщин Манхэттена. Хоргеншлаг нашел эффективное средство против страшного дракона одиночества, терзавшего ему сердце все время, что он жил в

Нью-Йорке. О, какая это была мука! Мука нависать над Ширли Лестер и не иметь права наклониться и поцеловать ее в разомкнутые уста. Какая невыразимая мука![48 - Здесь и далее перевод Л. Володарской.]

Повторение слова «мука» – это, возможно, наивная дань повторению слова «ужас» в финале «Сердца тьмы» Конрада.

«Душа несчастливой истории» представляет разные версии несостоявшейся встречи: фразы, которые влюбленный мужчина не способен произнести. «Чтобы написать историю о том, как парень знакомится с девушкой, желательно, чтобы парень познакомился с девушкой». Здесь в одном из вариантов Джастин Хоргеншлаг крадет сумку Ширли, чтобы увидеться с ней снова, его арестовывают и сажают в тюрьму, он пишет ей из камеры пламенные письма, а потом во время мятежа заключенных погибает от пули караульного. Так представляет себе любовь Джерри в двадцать один год, когда ночами мечтает об Уне: любовь прекраснее, когда она невозможна, самая абсолютная любовь не бывает взаимной. Но то, что называют «ударом молнии», существует, это случается каждый день, на каждой автобусной остановке, между людьми, не смеющимися друг с другом заговорить. Те, что любят всего сильнее, никогда не будут любить взаимно.

Мисс Лестер, для меня очень важно, что я люблю вас. Некоторые думают, будто любовь – это секс и брак, и поцелуи в шесть часов, и дети, и, наверно, оно так и есть, мисс Лестер. А знаете, что я думаю? Я думаю, любовь – это прикосновение и в то же время это не прикосновение.

Последнюю фразу трудно перевести. Сэлинджер пишет: «Love is a touch and yet not a touch», и я не знаю, как передать это выражение. «Любовь – это взять и не взять»? «Дотронуться и не дотронуться»? «Познать и не познать»? «Любовь – это достичь, не достигнув»? Одно могу сказать наверняка: это одно из самых совершенных определений зарождающейся любви, и звучит оно лучше по-английски. Оно напоминает название романа Хемингуэя: To have and to have not.[49 - Иметь и не иметь (англ.).]

Именно в «Душе несчастливой истории» Сэлинджер нашел этот стиль нежной самоиронии и впервые вывел своего героя – юного, потерянного, романтического и трогательного, который покори́т читателей всего мира в пятидесятые годы. Еще до войны Сэлинджер вынашивал мысль о маленьком человеке в большом городе, о вечном подростке, растерянном и потерянном, эгоцентричном и прозорливом, бедном и свободном, робко влюбленном и во всем разочарованном, который стал абсолютным клише удела человеческого в западном мире двадцать первого века. (Сэлинджер был до крайности горд, что его новеллу напечатал Арнольд Гингрич в «Эсквайре»: он же опубликовал пятью годами раньше три автобиографических текста Скотта Фицджеральда, известные с тех пор под названием «Трещина».) Мы живем сейчас в сэлинджеровскую эру заносчивой неопределенности, обнищавшей роскоши, ностальгического настоящего, конформизма, задолжавшего бунту. Нас томит бесконечная жажда радости, счастья, любви, признания, нежности. Эту жажду не утолить простым потреблением и не утешить религией. Джастин Хоргеншлаг так красиво признался в любви Ширли Лестер, но сначала он украл у нее сумку! Его письмо пришло из тюрьмы. И она не ответила. (В новелле она прислала вежливый ответ, но в конце мы узнаем, что ее письмо было вымышленным.)

Отныне мир населен страшно независимыми, закомплексованными, неудовлетворенными существами; влюбленными, неспособными любить, овцами, которые не желают быть овцами, однако щиплют травку, предаваясь фантазиям в стороне от стада; короче, идеальными клиентами для Фрейда, Будды, Fashion TV и «Фейсбука».

Джерри Сэлинджер не может предвидеть всего этого печального будущего, однако смутно чувствует приближение чего-то, когда летом 1941 года наносит визит подруге матери Уны О'Нил, Элизабет Мюррей, с братом которой он был знаком в лицее. Он хочет вновь увидеть Уну, ее ангельское личико, высокие скулы, лукавые ямочки и глаза испуганной лани. Его немного раздражает ее «глянец»: в «Сторк-клубе» Уну избрали-таки «Glamour Girl», ее фотография в окружении старичья при галстуках появилась на шестой странице «Нью-Йорк пост», что может быть вульгарнее? Это как если бы сегодня она согласилась поучаствовать в реалити-шоу. Затем «Debutante of the Year»[50 - «Дебютантка года» (англ.)] позировала для рекламы, используя громкое имя своего отца: «Волшебный крем для лица „Вудбери“ позволяет Уне О'Нил сохранить всю свою прелесть и свежесть». Пресс-конференция в «Сторке» была одной из худших ошибок в жизни Уны. Шла война – а она позировала с огромным букетом алых

роз. Шерман Биллингсли, хозяин «Сторка», сунул ей в руку стакан молока, чтобы не иметь неприятностей с полицией. Один не очень начитанный журналист спросил Уну, чем занимается ее отец... Не моргнув глазом, она ответила: «Он пишет».

Другой журналист: Как он отнесся к вашему избранию Дебютанткой года?

Уна О'Нил: Не знаю и не имею желания его об этом спрашивать.

Еще один журналист: Как вы оцениваете то, что происходит в мире?

Уна О'Нил: Сейчас, когда в разгаре мировая война, мне кажется неуместным высказывать свое мнение в ночном клубе.

Обнаружив ее фото в «Пост», отец сделал лишь одно публичное заявление: «Боже, избавь меня от моих чад!» Затем он написал письмо своему адвокату (который выплачивал содержание Агнес О'Нил): «Уна – не гений, а всего лишь скверная избалованная девчонка, ленивая и пустиголовая, ничего пока не доказавшая, кроме того, что может быть глупее и невоспитаннее большинства своих ровесниц». А следом очень жестокое письмо Уне: «Вся эта реклама вокруг тебя дурно пахнет, если только ты не стремишься стать киноактрисой средней руки, помаячить пару лет на фото в газетах и кануть во мрак своей глупой и бездарной жизни».

Портрет не слишком лестный, тем не менее у Джерри вновь возникают проблемы с дыханием, когда он видит ее на пляже Пойнт-Плезант. Он знает, что она читала Фицджеральда, а как устоять перед хрупкой шестнадцатилетней брюнеткой, читавшей Фицджеральда? Она опять в черном, но на сей раз в брючках и кукольном трико – наряд, говорящий о том, что она не тратит три часа на обдумывание вечернего туалета. В присутствии этой девушки он становится астматиком. Они сидят в баре на берегу моря с Элизабет и Агнес, матерью Уны. От ее детской грации, стройной фигурки, молочно-белой кожи он скрежещет зубами. Он давно заметил, что всякий раз, когда его кто-то умиляет, будь то человек или котенок, он стискивает зубы до боли, как садист. Поначалу дело швах. Представьте себе, что вы it-girl из Нью-Йорка и ваша мать представляет вам долговязого доходягу, который шумно дышит и скрежещет зубами. «Мы уже встречались, вы меня не помните?» Нет, она не помнит их первую встречу в «Сторк-клубе». Вопрос, которого ни в коем случае нельзя задавать людям, много

бывающим в обществе: «Ты меня помнишь?» Конечно, они не помнят, балда, они же знакомятся с тремя сотнями человек каждый вечер! Джерри убит. Пока дамы заказывают чай, он заводит речь о своей учебе в Колумбийском университете, о мастер-классе Уита Бернетта, главного редактора журнала «Стори».

– Ну и как же он обращается к своим ученикам, этот знаменитый Уит? – спрашивает Уна.

– Он приходит на занятия с опозданием, читает вслух новеллу Фолкнера и уходит раньше времени, – отвечает Джерри.

Очко в его пользу, ведь Уит Бернетт – друг отца Уны. Она в обиде на отца, который никогда ею не занимался, но не может совладать с болезненным любопытством ко всему, что его касается. Джерри нелегко себе в этом признаться: да, его влечет к Уне ЕЩЕ И ПОТОМУ, что она дочь одного из величайших ныне живущих американских писателей; это не делает ему чести, но к чему отрицать? Он возбужден, пылок, он боится робкого молчания прошлого раза и пытается произвести впечатление, рассказывая о Бернетте, опубликовавшем в своем журнале его первую новеллу «Подростки».

– Сперва он кучу всего отверг. И вдруг – вот-те раз! – выдает мне двадцать пять долларов. Впервые я заработал деньги своей писаниной!

– Если кто-то платит вам за то, что вы пишете, значит либо он дурак, либо вы писатель, – роняет Уна со снисходительностью школьной учительницы, хвлящей хорошего ученика. – Особенно если этот кто-то зовется Уитом Бернеттом.

За месяцы, прошедшие между «Сторк-клубом» и пляжем Пойнт-Плезант, Джерри успел наверстать упущенное: прочел всего Юджина О’Нила. Он сплеховал, сделав Уне комплимент насчет ее «раздвинутых ножек» (хотел-то сказать «раздвинутые зубки»), и кончилось тем, что Уна опрокинула свой стакан с пивом на столик «Тики-бара». Он расхохотался, вытирая лужу рукавом рубашки. Впервые она спустилась на землю со своей луны. Они – двое инопланетян с застывшими минами: она надута, он напряжен. Мать и ее подруга допили чай со льдом, встают, пора домой. Наконец-то они посидят спокойно, выпьют спиртного тет-а-тет под мелодию Бенни Гудмена, льющуюся из потрескивающего радиоприемника. Она смотрит на его руки с длинными тонкими пальцами. Ей

хочется потрогать одну из больших ладоней, лежащих на столе: они кажутся такими ласковыми, проверить бы, говорит она себе. В шестнадцать лет накрыть своей ладошкой руку парня ни к чему не обязывает. В сорок это куда серьезнее. Она уже готова это сделать, но тут он укоризненно хмурится:

– Извини, что я опять об этом, но... что это за фигня с «Дебютанткой года»? Ты дала согласие, чтобы «Сторк-клуб» делал на тебе свою рекламу?

– Э-э... Нет, то есть да, мои друзья все устроили... Я знаю, это смешно... Из-за того маскарада мой отец теперь думает, что я пользуюсь его именем забавы ради и чтобы меня везде приглашали... и это чистая правда! Он меня знать не хочет, так пусть хоть его имя мне пригодится, верно? Все равно он мне за всю жизнь и двух слов не сказал, так что, если он не будет больше со мной разговаривать, ничего не изменится. Вот, смотри, какое письмо он мне прислал.

Она достает из сумочки конверт, надписанный строгим каллиграфическим почерком – так пишет тот, кто хочет показать свою значимость даже формой гласных и согласных. Типичный конверт, который страшно вскрывать, потому что внутри наверняка налоговая ведомость или повестка в суд. Она зачитывает вслух: «Я не хочу видеть такую дочь, какой ты стала за этот год. Новости о тебе я теперь узнаю только из желтой прессы». Уголки ее губ опускаются на сантиметр. Вскинув голову, она продолжает:

– Вот ты, будь у тебя дочь, написал бы ей такое?

– Не знаю, может быть, он нарочно так резок с тобой, чтобы ты не стала очередной светской шлюшкой. Это значит, что твоя жизнь ему небезразлична, хоть ты и думаешь иначе.

– Ничего подобного, он думает только о себе, я замарала имя О’Нил, на меня ему плевать с высокой колокольни, он боится, что престиж писателя будет запятнан в светских рубриках. Тебе не понять, до какой степени я ему безразлична, твои родители, наверно, до сих пор вместе...

– Если тебе это доставит удовольствие, я могу попросить их развестись.

Уна пожимает плечами. На Джерри серое пальто с бархатным воротником, оно называется «честерфилд», как сигареты и диваны. Оно ему тесновато, и руки

торчат из рукавов: далеко не новое пальто. Но Джерри сейчас смелее, чем прежде: после публикации первых текстов он поверил в себя, чего ему так не хватало. Он воображает себя героем романа. Ну что, в омут головой? И он ныряет:

– Допивай свое пиво, Уна, закажи мартини с водкой, и поговорим о важных вещах. Я не хочу болтать попусту, я пытаюсь узнать тебя. Что произошло, черт возьми? Почему он поставил на тебе крест? Ладно, ушел от матери, но не бросать же из-за этого дочь. Вот что я тебе скажу: я думаю, что твой отец – великий трагик во всем, вплоть до семейной жизни. Для него уже нет разницы между жизнью и творчеством. Это видно в его последней пьесе: он пишет о себе, он использует свое несчастье – а значит, и твое, – чтобы родить произведение искусства. Короче говоря, он великий писатель и ничтожная личность.

Уна ошеломлена. Обычно все говорят ей об отце в хвалебных выражениях. Глаза ее наполняются слезами; зажав рукой рот, она вскакивает и выбегает из кафе (нет, она не бежит от Джерри, просто не хочет, чтобы он видел, как она разнюнилась). Джерри расплывается по счету и выходит вслед за ней. Ловит ее за руку, она оборачивается, и... он обнаруживает, что плачет она красиво.

– Прости, – говорит он. – Я не хотел тебя обидеть... Хотя на самом деле нет, я хотел тебя обидеть.

– Нет... ничего страшного, ты прав, просто осточертело, что все мне только о нем и говорят.

– Ты сама о нем заговорила. Не сердись, что я интересуюсь Джином. Я... Мне любопытна ты. В этом нет ничего преступного, понимаешь? Ты мне нравишься, вот и все. Если хочешь, я сейчас же уйду, и ты меня больше не увидишь. Скажи только слово, и я отвалю.

– Какое слово?

– Good bye.

– Это два слова. Останься.

Она понимает, что в очередной раз имеет дело с безутешным воздыхателем. Уна их не переносит, это худшая категория поклонников, хотя они единственные любезны. Остальные соблазнительницы делятся на следующие категории: бледный насильник с суицидальными наклонностями, опасный донжуан, фанфарон, похваляющийся своими прежними победами, агрессивный мямля, оскорбляющий вас, провоцируя облом, которого боится, антиэротичный весельчак и, конечно же, извращенец-нарцисс, самый несносный вкуче с тайным гомосексуалистом. Но безутешный воздыхатель хуже всех. «Как хорошо она улыбается сквозь слезы», – думает Джерри. Ему хочется до крови укусить ее за язык. Хочется запустить пальцы в этот невинный ротик. Хочется ощипать эту бедняжку из хорошей семьи. Голос у нее сладкий, глухой, хрипловатый, меланхоличный. Она из тех девушек, что говорят, глядя на море. Лают чайки, я не шучу, в самом деле слышится «гау, гау», точно собаки проносятся на бреющем полете над пляжем. Подойдем же поближе и послушаем, что говорит Уна у кромки воды.

– Джин, то есть... мой отец... я его совсем не знаю. Клянусь тебе, я чаще видела его на фото, чем живьем. Его пьес я не читала. Когда все говорят мне о нем, я делаю вид, будто понимаю, о ком идет речь, но на самом деле я не знаю, кто этот человек, давший мне жизнь. Я ношу прославленное имя незнакомца, который позирует для газет и не может простить мне, что я делаю то же самое. Мне было два года, когда он уехал с Бермуд. Отвалил репетировать пьесу под названием «Странная интерлюдия»... Как же! Назвал бы ее лучше «Вечной интерлюдией»! Я всю жизнь чувствовала, что в тягость ему; он вообще не выносит своих детей, всегда считал нас бременем. Встреть я его сейчас на улице, даже не уверена, что он бы меня узнал... Ах, черт.

Она смотрит на Джерри, потом отводит глаза, и ее подбородок начинает неудержимо дрожать. Она зла на себя за то, что ей никогда не удастся не раскиснуть при упоминании об отце.

– Теперь ты понимаешь, почему я избегаю этой темы? – вздыхает Уна. – Это глупо, мне давно пора бы научиться держать себя в руках, ах, черт, неужели я так и буду мучиться из-за него всю жизнь?

– Не могу решить, какой ты мне больше нравишься – когда плачешь или когда улыбаешься, – говорит Джерри.

– Надеюсь, что ты все-таки предпочтешь заставить меня улыбаться, – отвечает Уна, – иначе мы не поладим.

– А ты хочешь, чтобы мы поладили?

– Не беспокойся, Длинный Джерри, конечно же, мы ляжем в постель сегодня вечером: добьешься своего и переходи к следующей.

Она снова улыбается – язвительно. Она взяла верх. Джерри молчит. Сильна она, однако! Замкнута в своем сладком одиночестве девушки из high society, горда своим горем и своей средой. Ее манера лавировать между нежностью и цинизмом неотразима. Нарочно ли она это делает? Девушки ведь открываются и закрываются: главное – найти верный пароль. Чем они красивее, известнее и избалованнее, тем труднее расшифровать код. Их обольщение требует хитроумных приемов шпионажа, которыми Джерри овладеет лишь два года спустя, когда будет служить в разведке 12-го полка 4-й пехотной дивизии.

Они идут вдоль пляжа к пирсу. Атлантический океан по-прежнему рокочет и создает шумовой фон: очень удобно, чтобы заполнять паузы. Чайки хохочут, как будто насмеваются над этой столь неподходящей парой: длинный брюнет и крошечный эльф. Ветер несет песок, и он оседает на их волосах и ресницах. В фильме камера могла бы снять их длинным отъездом. Этот стилевой прием, часто используемый Вуди Алленом, называется «walk and talk».[51 - «Идти и разговаривать» (англ.).] К счастью, у Уны наконец-то вновь развязывается язык, потому что идти так долго, ничего не говоря, – это уже скорее Бергман.

– Слушай, – говорит Уна, – я тебе солгала, когда сказала, что не помню нашу первую встречу. Я знаю, кто ты: таинственный великан из «Сторка». Мы с Трио Сироток часто о тебе говорим. А Трумен прозвал тебя Тот-кто-уходит-не-дождавшись-счета.

– Эй! Но я думал, что патрон угощает!

– Ну да! Это я тебя дразню... Капоте обожает говорить гадости о тех, кто ему нравится, – так он выражает свои нежные чувства. А я прочла в «Стори» твою новеллу «Подростки». И подумала, что ты кое-что записывал на той вечеринке.

– Я кое-что записывал на той вечеринке.

– Я могу быть с тобой откровенна?

- Хм... Всегда немного тревожно, когда люди задают такой вопрос.

- То, что ты пишешь, забавно, но не вполне понятно, к чему ты клонишь. Это диалог глухих, парень и девушка ходят вокруг да около, но так и не встречаются, да? И что ты хочешь этим сказать? Разве только оттоптаться на золотой молодежи и доказать нам, что богатенькие детки все дебилы, у которых только пьянка да кадреж на уме...

- Вот именно! Ты прекрасно поняла мой месседж.

- Ладно, но в таком случае Фицджеральд сделал это до тебя и гораздо лучше.

- Я ведь начинающий...

Джерри не в силах скрыть обиду. Он вздыхает, запускает руку в волосы, растопырив пальцы, как бы говоря: «Я выше всего этого», но Уна истолковывает его иначе: «Да кем она себя возомнила, эта девчонка?» Хлопают на ветру паруса Пойнт-Плезанта, перекрывая теперь лай летающих собак.

- Хорошо, - говорит она, - ты оттачиваешь перо. Только не дуйся, это уже большое дело - напечататься в твоём возрасте. Между прочим, Трумен позеленел, когда узнал, что ты его опередил, я уж думала, он подцепил гепатит. Знаешь, что он сказал? «Главное - не просто напечататься, но напечататься в „Ньюйоркер“».

- Капоте похож на эмбрион.

- (Заливисто смеясь.) Нехорошо критиковать тех, кто маленького роста!

- Я не критикую, а констатирую факт: это человеческое существо не завершено в развитии, если только он не тролль. Как тролль он вполне удался.

- Прекрати злословить о моем лучшем друге, мистер Я-ухожу-не-дождавшись-счета!

Так они продолжали разговаривать, шагая, и шагать, разговаривая. Джерри принес из буфета два пива и пакет попкорна. Они бросали его чайкам, и те хватали зерна на лету. Уна, громко смеясь, пила из бутылки, совсем как мать Джерри – отчасти ирландка, – и это, возможно, было одной из подсознательных причин его тяги к ней. В ирландках есть какая-то изюминка. Сексапильные, как англичанки, но живее, подлиннее, что ли, не такие снобки, не задирают нос. Смех громче, груди больше, веснушки на щеках. И быстрее пьянеют. Рядом с ними заиграла шарманка.

– Спасите! – воскликнула Уна. – Я ненавижу музыку из автомата!

Они ушли подальше от ящика с ручкой – далекого предка музыки техно – и приблизились к дансингу с цветными фонариками, где наигрывала свинг джазовая группа.

– Слишком жарко, чтобы танцевать, – сказала Уна.

– Распусти волосы.

– Если я их распущу, стану слишком красивой. А я не могу себе этого позволить сегодня вечером.

– Почему?

– Потом они все захотят со мной переспать. Это испортит нам вечер.

Джерри был из тех танцоров, которым ноги мешают, поэтому танцевали они плохо, но танцевали долго. Секстет под цветными фонариками играл джаз, чередуя соло. Уна воткнула цветок в волосы. Волосы же Джерри слиплись от пота, как намаженные. Он снял пиджак, и их тела переплелись. В те времена танец был единственным легальным способом приблизиться к кому-то вплотную. Оркестр гроыхал громче океана. Танец освободил шевелюру Уны: узел распался, и волосы дождем рассыпались по плечам. Цветок упал на землю, и они безжалостно его растоптали, напевая: «I can't dance, got ants in my pants», что значит: «Я не могу танцевать, у меня муравьи в штанах» (приличия ради мы не станем переводить продолжение песенки:

Let's have a party,

Let's have some fun,

I'll bring the hot dog,

You'll bring the bun.[52 - Давай устроим вечеринку, / Давай повеселимся, / Я принесу хот-дог, / Ты принесешь булочку (англ.). Однако песенка двусмысленная: на жаргоне hot dog – мужской член, а bun – задница.]

Усталые, но довольные, как будто вся их робость вышла по?том, они присели рядышком за двумя бутылками уже теплого пива, и у обоих выросли пышные пенные усы.

- Ты не любишь нравиться? – спросил Джерри.

- Не люблю. Потому и нравлюсь.

Она смеялась собственным шуткам, но не из самодовольства, скорее боясь, что они не смешны. Джерри никогда не мог понять, шутит Уна или говорит искренне.

- Ты танцуешь почти так же плохо, как я, а это, видит бог, нелегко, – сказала она.

- Мне хочется тебя поцеловать, и я нарочно плохо танцую, чтобы быстрее сесть.

Уна сделала вид, будто не слышала, но через несколько секунд они уже стояли рядом на улице, обняв друг друга за талию. Уна раскритиковала его одеколон и стрижку.

- Ты только и думаешь, как бы соблазнить тысячи девушек, – фыркнула она.

- Ты выйдешь за меня замуж? – спросил Джерри.

- Ни за что на свете. Ты слишком молод!

- Посмотри, что у меня в кармане. Мне кажется, это твое.

Джерри сунул руку в карман пальто и достал пепельницу из «Сторк-клуба». Узнав ее, Уна расхохоталась еще громче и впервые за вечер покраснела. Джерри нахмурил брови, как полицейский:

– Мисс О’Нил, вы обвиняетесь в краже пепельницы из ночного заведения.

– Эй! Но выходит, что это не я ее украла: с этой фарфоровой штукой в кармане из «Сторка» вышел ты.

– Что делает меня укрывателем краденого. Спасибо за подарок. Не беспокойся, если бы полицейские меня задержали, я бы тебя не выдал. Один бы сел в Синг-Синг. Как ты думаешь, мне бы оставили пишущую машинку?

– Если ты угостишь меня сигареткой, мы сможем стряхивать пепел в эту емкость.

– Отличная мысль.

Чиркнула спичка: еще два красных огонька зажглись в вечернем сумраке. Джерри видел, что она не затягивается. Паузы становились все короче. Воздух был теплый, ночь накрыла пляж, над променадом один за другим гирляндой зажигались фонари. Они прошли мимо кинотеатра, где показывали «Унесенных ветром».

– Эй, – предложила Уна, – может, пойдём?

– Я уже видел, – ответил Джерри.

– Говорят, фильм лучше книги.

– Пф... Не вижу интереса сидеть три часа в темноте, когда можно смотреть на тебя. Ты лучше Вивьен Ли. Закрой глаза и представь, что я Кларк Гейбл, подаривший тебе смешную французскую шляпку.

– Ты знаешь, что Скотт Фицджеральд работал над сценарием этого фильма?

– Вряд ли они много от него оставили. Бедняга, знаешь, я очень горевал, когда он умер.

– Слушай, Джерри. Кажется, мне хочется, чтобы ты меня поцеловал, но при одном условии: чтобы никаких последствий.

– Скажи, я похож на человека, который несет бремя последствий своих поступков?

Он наклонился к ней, но не посмел дойти до конца. Она сама, привстав на цыпочки, преодолела остаток пути и вдруг почувствовала, что отрывается от земли, в прямом и переносном смысле. Они целовались, она парила, он держал ее. Головокружение было неожиданностью: этот первый поцелуй мог бы отдавать остывшим табаком, но Джерри, зарывшись носом в душистые волосы Уны, навсегда сохранил его сладкий вкус, а она с силой выдыхала в его шею запах коричневого мыла. Когда два языка соприкасаются, бывает, что ничего не происходит. Но бывает, происходит что-то... О боже мой, происходит что-то такое, отчего хочется растаять, раствориться, как будто двое входят друг в друга, зажмурившись, чтобы все внутри перевернуть. Он прижимал ее губы к своим до потери дыхания. Когда он поставил ее на дощатый настил, у нее было только одно желание – снова взлететь.

– Все это совершенно нормально.

– Угу, совершенно. Может быть, еще попробовать?

Они попробовали, и это оказалось очень приятно. Они пробовали снова и снова. Каждый раз, когда он ее целовал, ей казалось, будто она взлетает, а ему – будто он падает. Истинно говорю вам: чудо, что они еще держались на ногах. Подвиг столь же исключительный, как и этот допотопный оборот в моих устах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/frederik-begbeder/una-selindzher/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Крошечным и изящным. (Примеч. авт.)

2

Вы поедете на ярмарку в Скарборо

(Война ревет, мундиров блещет пурпур),

Петрушка, шалфей, розмарин и тимьян?

(Солдаты получили приказ убивать)

Тогда напомните обо мне той, что там живет

(И сражаться во имя того, что давно уже забыто), —

Той, которую я когда-то преданно любил (англ.).

3

Диана Вриланд (1903–1989) – влиятельная франко-американская обозревательница и редактор в области моды. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. перев.)

4

Игра слов: в английском слове присутствуют одновременно fact – факт – и fiction – вымысел.

5

По-французски «faction» означает пребывание часового на посту, а также мятежную группировку.

6

Французский гребец Жерар д'Абовиль в 1991 г. в одиночку пересек на веслах Тихий океан за 134 дня.

7

Джин Тирни (1920–1991) – американская актриса. Считалась одной из самых красивых голливудских актрис.

8

Здесь и далее цит. по переводу Р. Райт-Ковалевой.

9

Mayday – международный сигнал бедствия в радиотелефонной связи.

10

Живописная деревня в Стране Басков.

11

Нобелевский лауреат 2014 г. известен своей почти болезненной застенчивостью. Надо отметить, что его младшему собрату по перу Фредерику Бегбедеру это несвойственно.

12

«Буаси» – популярный французский журнал о жизни звезд.

13

Всемирно известный (англ.).

14

Соответствует русскому «Посторонним вход воспрещен».

15

«Живи свободным или умри» (англ.).

16

Перевод Е. Тарховской и Г. Орловской.

17

Дым застилает глаза (англ.).

18

Бадд Шульберг (1914–2009) – американский сценарист, актер, режиссер и продюсер.

19

Зимний карнавал (англ.).

20

Я знала, что он станет писателем. Я это чуяла (англ.).

21

Кэбелл «Кэб» Кэллоуэй Третий (1907–1994) – американский джазовый певец и шоумен.

22

Соответствует русскому «светская львица».

23

Янник Ноа (р. 1960) – известный французский теннисист и поп-соул-певец.

24

Соответствует русскому «привет всем».

25

Усек? (англ.)

26

Неловкий, неуклюжий (англ.).

27

Джин Харлоу (1911–1937) – американская актриса, кинозвезда и секс-символ 30-х гг.

28

«Мое самое красивое дитя» (англ.).

29

Долорес дель Рио (1905–1983) – мексиканская актриса немого кино.

30

Эррол Лесли Томсон Флинн (1909–1959) – знаменитый голливудский актер.

31

В оригинале созвучие: Оона – Уна, моон – луна (англ.).

32

«Попрошайка Минни» (англ.) – песня Кэба Кэллоуэя.

33

«Пройдемся-ка на ту сторону» (англ.) – песня американского рок-музыканта Лу Рида (1942–2013).

34

Какая гадость! (англ.)

35

Хэмптонс – курорт на берегу Атлантического океана, недалеко от Нью-Йорка.

36

После полудня (лат.).

37

«Пустой светский разговор» (англ.).

38

«Безмолвный разговор» (англ.).

39

«Гражданин Кейн» (1941).

40

Бессмысленный набор слов, похожих на немецкие.

41

Было приятно не-поговорить с вами, мисс О'Нил (англ.).

42

Я тоже рада была не-познакомиться с вами, Джерри (англ.).

43

Завтра настанет великий день (англ., исп.) – первая строчка популярной джазовой песни.

44

Кэрол в дальнейшем снискала репутацию изрядной зануды. Только ее последний муж, актер Уолтер Маттау, способен был с ней сладить. Знаменитый анекдот: когда она непрерывно жаловалась на холод во время поездки студенкой порой в Польшу в 1960-х гг., где они посетили, в частности, знаменитый концентрационный лагерь, Уолтер Маттау в конце концов сказал ей: «You ruined my trip to Auschwitz!» («Ты испортила мне поездку в Освенцим!» – англ.) Самой же большой гулякой из компании была Глория Вандербильт. Осиротев в полтора года, она четыре раза выходила замуж, публиковала эротические стихи и романы и выпустила первые «designer jeans». Позже она стала изобретательницей понятия «cougar» (на американском жаргоне – женщина средних лет, любящая молодых мужчин. – Примеч. перев.): одного из своих юных любовников она прозвала «Нижинским куннилингуса». (Примечание посмеивающегося автора.)

45

«Бульварное чтение» (англ.).

46

«Жизнь есть ложь» (англ.).

47

Лина Мэри Кэлхун Хорн (1917–2010) – американская джазовая вокалистка, киноактриса.

48

Здесь и далее перевод Л. Володарской.

49

Иметь и не иметь (англ.).

50

«Дебютантка года» (англ.).

51

«Идти и разговаривать» (англ.).

52

Давай устроим вечеринку, / Давай повеселимся, / Я принесу хот-дог, / Ты принесешь булочку (англ.). Однако песенка двусмысленная: на жаргоне hot dog – мужской член, а bun – задница.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/frederik-begbeder/una-selindzher-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)